

45 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ * В. ЕРЕМЕНКО

ВЛАДИМИР
ЕРЕМЕНКО

СТРАНИЦЫ
ПАМЯТИ

Дорогому Улану
Улановичу Улану
ко, всего тво
Книги Додж
Вам здоровы
и семейств
Ваш В. Зеленцов
22/11/79

ВЛАДИМИР ЕРЕМЕНКО

СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1979

2-е издание, дополненное
и переработанное

Е 70302—030
078(02)—79 084—78. 4700000000

В 1970 году в нашем издательстве вышла книжка писателя Владимира Еременко. В ней рассказывалось о подлинных историях и случаях, происшедших с людьми на войне. Тему свою автор определил так: «Человек, война, подвиг». Называлась она так же, как и эта, «Страницы памяти».

Сразу же после ее появления в издательство и автору пошли письма. Обращались не только фронтовики, участники описанных событий, но и люди, не имеющие к ним отношения: школьники, студенты, дети погибших и дети, потерявшие во время войны, родители, разыскивающие своих ребят, просто читатели, которых тронули и взволновали судьбы, о которых рассказывал писатель.

Авторы писем уточняли и дополняли события книги, сообщали новые подробности, предлагали написать о еще неизвестных героях и эпизодах войны, рассказывали о своих трудных трагических судьбах, обращались за помощью в розыске родных и близких, просили «похлопотать», «дать совет»...

Письма шли, завязывалась переписка, автор встречался со своими корреспондентами, копились новые документальные истории, необыкновенные судьбы. Эта переписка и встречи продолжали книгу Владимира Еременко.

«Я только начал эту книгу, — пишет автор, — сказал первое слово сыновней благодарности нашим отцам и дедам, людям 1941—1945 годов, а теперь уже ее дописывают читатели... каждый может вписать в нее свои строки...»

Как вы и увидите, действительно большинство рассказов этой книги родилось из общения автора со своими читателями. И нам остается только пожелать новых больших успехов в этом необычном творческом содружестве писателя с читателями — героями и «соавторами» его книги.

И наконец долгожданное письмо.

«...Разрешите поблагодарить за Вашу заботу. Вы мне сделали в жизни основное. Я рад, что нашлись товарищи, которые вытянули меня из беды. Большое Вам спасибо. До конца своей жизни не забуду хороших людей и друзей.

Пару слов о пенсии. Пенсию назначили мне областную с 1.8.74 года. Я очень рад. Выдали пенсионную книжку и уже выписали за два месяца. Рассказали, какими льготами буду пользоваться.

Живу по-прежнему, но здоровье ухудшается. Головные боли, шум, отказывает «звукоуловитель» в голове. Если рядом стою с человеком и разговариваю, то 50 процентов слов не слышу. Чувствую, что быстро стал сдавать. Но духом не падаю. Вы сказали, держись, ты же солдат! Держись. Райсбес обещал дать путевку в санаторий, бесплатно, как инвалиду войны.

Если представится возможность быть в Москве, обязательно к Вам зайду.

Всего доброго Вам и Вашему семейству.

С приветом!
И. И. Мельников.
3.10.74 г.»

Таких наград, как это письмо, я получил в своей жизни немного. Счастье приходит по-разному. Свою радость и счастье я благодарно делю с теми людьми, кто принимал участие в судьбе солдата и хлебороба Ивана Ивановича Мельникова.

Вот и вся история.

Когда был опубликован материал об И. И. Мельникове, пришло письмо из города Калача Воронежской области от рабочего-каменщика Ивана Ивановича Угнивенко.

«Прочитал Вашу повесть, особенно про Мельникова Ивана Ивановича, и очень расстрогался, не выдержали фронтовые нервы, расплакался. Не знаю, какой Вы человек, и не знаю, какое Вам спасибо сказать за поддержку фронтовиков...»

Письмо большое, сбивчивое, строки обжигающие. «...Я 1916 года рождения, а Мельников 1915-го. У нас, видно, не только имена и отчества одинаковые, а и война одинаковая вышла. Правда, я дольше в армии прослужил. Еще до войны четыре года в кадровой протрубил. С октября 1937 по апрель 1941 года в погранвойсках на западных границах. Это Латвийская и Литовская республики, немецкая граница в районе Августовских лесов, а закончил службу на острове Эзель, на Балтийском море. Демобилизовался в апреле, 25-го числа, до войны всего два месяца. Работал на Севере, в городе Кожве.

Когда началась война, стал проситься на фронт, написал 5 докладных.

Добился своего. В январе, числа не помню, нас, доб-

ровольцев, человек 40—50 отправили, но не на фронт, а в пехотное Пуховичское училище, эвакуированное из Белоруссии в город Великий Устюг.

Учился там по сокращенной программе до августа 1942 года. Прикрепили нам по одному кубику на петлицы и на фронт. И пошел младший лейтенант командовать пулеметным взводом...

Матушка-пехота — царица полей, с ней через пол-России. Калининский, Центральный, Первый Белорусский. Бои, усталость, недосыпание, недоедание. Техники и боеприпасов до 1943 года не доставало, а ходили, наступали на пули, бились гранатами и автоматом, у кого было, а больше винтовками. Я «максимум» пользовался неплохо, так как еще в кадровый был пулеметчиком.

Провоевал до сентября 44-го, а 12-го числа меня тяжело ранило. Пошли госпитали, операции и тому подобная канитель до самого последнего дня войны. В мае 1945 года меня откомиссовали из резерва Харьковского офицерского полка домой. Ограниченно годен второй степени. Левую ногу немцы мне на пять сантиметров укоротили. Но долго в инвалидах я не ходил — из 2-й перевели в 3-ю группу, а в 1953 году сняли и ее.

Работал на разных работах, и все было хорошо, последние 17 лет — каменщиком-строителем. А вот с 1974 года стал плоховато себя чувствовать. Нога побаливала, да все сильнее и сильнее. И пошел я по врачам, из кабинета в кабинет... Посоветуйте, что делать, как мне быть. Работа у меня тяжелая, а за каждым движением резкие боли в бедренном и коленном суставах.

Пожалуйста, дайте совет. Живу в коммунальной квартире, на иждивении сын-студент. Прилагаю Вам копию моей истории болезни, имею все справки. Плохо с нервами, пишу невнятно.

Угнивенко И. И.

г. Калач, ул. Рабочая, д. 6, кв. 5».

А дальше пошла наша переписка. Не все можно сразу сделать, но иногда и слово, если оно доброе и вовремя сказано человеку, становится делом. Иван Иванович сообщил мне, что он «пошел в ту больницу, которую пришлось строить». «Говорю, боли у меня в левой ноге, не могу работать. Обследуйте. Положили и при рентгене обнаружили — растут костные наросты в тазобедренном суставе, там, где ранение было. Отлежал я месяц и четыре дня, накололи мне разные положенные места, разные процедуры и припарки, а дела нет. Боли те же... Видно, из меня та война выходит...»

И еще письма в наш телефонный век, и еще слово про сегодняшнюю жизнь, про «боль», и про «инвалидность», и про «пенсию», и про ту «проклятую войну», которая всему виной, и про то далекое и «страшное» время, когда ты хоть и с укороченной ногой, а молодой и силы в тебе есть, и желаний много, и все ни о чем.

И как бы тогда ни было трудно и плохо, а все же поминись то время как «золотое», потому что ты молод и перед тобою вся твоя непрожитая жизнь. И вот Иван Иванович прислал большое письмо про ту самую жизнь, или, как он выразился, про «жизнь-судьбу».

«г. Калач, 20 февраля 1976 года

Здравствуйте... Получил от вас долгожданную весточку. Вы спрашиваете: какие мои дела? А дела такие: 22 января сего года мне исполнилось 60 лет. Сдал документы на трудовую пенсию. Сколько назначат, не знаю, еще не получаю.

Теперь про судьбу-жизнь мою. Детство прошло в Коммуне имени III Интернационала, с Ильиника Калачевского р-на, куда отец вступил в 20-м году. Жили мы там до 1934 года, а потом умер отец, и я перешел на самостоятельный образ жизни.

Год работал слесарем, а в 1935—1937 годах — учеба на комбайнера и работа в Калачевской МТС. По-

том, как Вы знаете, служба в погранвойсках, учеба в пехотном училище и война...

Попал на Калининский участок фронта, возле Волги, город Zubцов. Там держали оборону, пока не порешили ряды нашей стрелковой дивизии.

В декабре 1942 года отвели нас на формирование в Смоленскую область. Получили пополнение кадровиков из Дальнего Востока. Все они хорошо одеты в полушубки и валенки, но в буденовках, с довоенными знаками различия, а мы все носили шапки.

Получили оружие: винтовки, а пулеметов на батальон всего один «максим». У других то же самое. С этим вооружением и двинулись мы на фронт.

Довезли до Ельни, а потом пешком километров 150, а время — февраль и март. Кухни ни одной, продуктов негусто, кроме сухарей, больше ничего. Шли и тянули за собой сорокапятки, минометы и пулеметы на лыжных установках. Лошадей нет, одна была, в батальоне и та подохла в дороге. Нас торопили, да мы и сами налегали, надо было гнать с земли оккупантов, пока они не закрепились.

С фашистами мы вошли в соприкосновение за деревню Трофимовка Курской области. Ее раньше заняла другая стрелковая дивизия и передала нам для обогрева и охраны.

Выставили пост у деревни. Переночевали, наутро нам выдали по две ленты на «максима» и по 15—20 патронов на винтовку, гранат не было совсем. И отвели нам участок для наступления от ложины, что идет от Трофимовки и через поле. Задача — брать деревню (кажется, Мошки). Сначала пошла первая рота. Только выползли для атаки, как гитлеровцы открыли бешеный прицельный огонь из пулеметов и автоматов. Ползут, а их очередями секут. Об этом говорить даже страшно. Почти вся первая рота осталась чернеть на поле боя. Теперь очередь за нами. Стараемся не в лоб

на пулеметы, а в обход ползком. И вроде бы уже вот она, их передовая, уже прорвались за уровень первой роты, но, видно, раскусили нашу хитрость фашисты и ударили, да так, что постигла и нас та же участь... Лежим дотемна в снегу. Нас, живых и мертвых, замечает поземка. А фашист все «проверяет» нас очередями. Мы гуськом легли за щит нашего «максима». Щит вибрирует от немецких пуль, но нас спасает. Еле дотянули до сумерек, а ночью посунились кто живой в ложнну, насчитали 12 человек от всей нашей роты.

А назавтра войну никто не отменил, и опять же в бой, за ту же деревню... Нас, пулеметчиков, придали третьей роте, и пошли мы по тому же пути с теми же результатами...

Видно, и командиры наши поняли, что не взять нам эти деревни днем. Стали готовить атаку на ночь. Собрали людей со всех рот, пошли в темноте. Враг допустил нас до ракетного освещения и опять пулеметами положил на землю. Выползли назад, окопались на исходном рубеже в снегу, лежим, а это уже дело на третий день.

Тут новая беда. Нас обстреляли два танка, а затем появились 17 бомбардировщиков Ю-87. Пока пробомбили соседний полк и подлетели на заправку, я приказал вылазку в нейтральную полосу, ближе к врагу. За эти три дня мы тоже уже кое-чему научились. Окопались в каком-то овражке-вымоине и замаскировались. Смотрим, летят нас бомбить. Ну, думаем, давайте. Летают, гады, как дома. Знают, что зенитных средств у нас никаких, да и вообще с боеприпасами туго — патронов маловато даже для винтовок. Но ничего, воюем. Прошли над нами коршунами «юнкерсы» один за одним, пикируют, бросают бомбы штук по 12—18 — малого калибра, выходят из пике, орут сиренами.

Пробомбили нас сильно, но погибло меньше, чем от пулеметов. Беда тоже людей учит. После бомбежки

подсчитали силы. Набралось нас 40 солдат и два офицера, я да наш заместитель комбата, не помню его фамилии. Он принял командование батальоном, а я стал заместителем комбата. Лежим, планируем атаку к вечеру.

Старшина принес харчи и положенные «наркомовские» на всех. Подзакусили, помянули своих друзей погибших вчерашних и позавчерашних.

Лежу я и смотрю на свою лопатку. Ее черенок пробило пулями, в двух сантиметрах одна от одной дырочки. Лопата была не в чехле, а за поясом. Думаю, вот же счастье человеку: немного бы не так повернулся, и в меня. Значит, жить буду долго.

Да и шинельку мою кое-где попортило, особенно полы, а вот пулемет выжил, хотя и был весь рябой щит от пуль и вмятин.

Атаку нам отменили, сил мало. Ночью через офицера связи сняли с этой обороны. Расстались мы с этим полем боя, получили приказ идти на другой участок.

А война ж, она идет и отдыху солдату дает мало. Чуть-чуть передохнули в какой-то деревушке, немного привели себя в порядок, поспали, подштопались и опять туда же. Дали приказ наступать на деревню Кальную. В батальоне один мой «максим» целый, поэтому какая бы рота ни наступала, а мне их прикрывать огнем, больше некому. Вот такая у меня задача.

Ну что ж. Вышли ночью к этой деревне, она в лощине. Мы в поле, поднялись повыше. Смотрим — видны уже крыши домов и сараев. Залегли. Стали ждать взрыва у фашистов. Это партизаны должны были его сделать, и по этому сигналу и мы и партизаны с тыла должны бы атаковать деревню Кальную. Лежим. Брезжит рассвет. Нас на снегу немцы заметили. Открыли огонь из автоматов. Первая рота, которую восстановили из остатков всех рот, и мой пулеметный взвод из 5 человек и «максима» остались без командования.

А вышло так. Ротный ушел установить связь с соседями, а за себя не оставил никого из взводных. Ушел, и с концами... Что делать? На себя никто не берет команду. Да и как возьмешь, ведь командир роты жив, а ждать больше тоже нельзя. Что делать, надо или отходить, или наступать. Ведь мишеням лежим перед немцами.

Я решил открыть огонь из пулемета по сараям, где засели на соломенных крышах автоматчики. Ударили. Да так удачно, что от пуль крыши загорелись. Фашистов как корова языком слизала. Огонь с их стороны прекратился, но не стало слышно и нашей стрельбы. Оглянулся назад, а стрелков и след простыл. Под прикрытием нашего огня они, оказывается, отошли и скрылись в лесу, метрах в четырехстах от нас. Выходит, мы остались одни, и нас даже прикрывать при отходе некому. Ну дела! А гитлеровцы, конечно, после той паники пришли в себя и открыли по нас огонь. Дал команду своим пулеметчикам на отход, а сам стал вести из винтовки огонь трассирующими пулями. Они заметили и ударили из минометов. Сразу же вражеская мина разбила пулемет. Я повернулся и крикнул:

— Жив кто?

Никакого стоа и отзвва не последовало. Думаю, надо отходить. Побежал. Оказалось, что пулеметчиков побито, а одного контузило... Подхватил его — и дальше. При каждой перебежке отстреливаюсь. Отбежим, падаем и отползаем. Делаю несколько выстрелов — и опять. Не знаю, как все это у нас быстро получалось, волчками вертелись между огневыми трассами, лавировали, меняли направление, чтоб не напороться на пулевые трассы. И вышли невредимыми к тому месту, где окопались стрелки первой сборной роты. Мы-то живы, а наш «максим» и те пулеметчики, каких миной накрыло, там в поле... Жалко, да ничего не поделаешь. Война...

Дня три-четыре пробыли в деревне Девятино. Дали мне новый «максим», два ящика патронов и остатки пулеметчиков из других взводов. Но люди, не обученные пулеметному делу, в основном подносили патроны. Что ж, надо учить и воевать дальше.

Заняли мы огневую позицию в церкви. Соседи наши из другой дивизии наступают на деревню Березовку, а мы их прикрываем с правого фланга. Сбили вроде немца, но тут они двинули на нас четыре танка. С винтовками против танков тяжело. Пехота отошла, и оказалась мы в своей церквушке на первой линии. Лежим, ждем...

Спас нас снег, его было так много, что танки не могли идти. Остановились они от церкви метрах в трехстах и стали вести огонь по церкви. Многие пехотинцы, что были рядом, бросили снеговые окопы и прибежали к нам в церковь, за толстые ее стены. Церкви у нас на Руси умели строить. Никаким снарядам их не возьмешь. Но все же танкисты нашли слабое место в нашей обороне. Дело в том, что в церкви был когда-то колхозный зерносклад и двери как справа, так и слева (боковые) заложены кирпичом всего в один кирпич. Вот они и ударили по этим дверям. Снаряды стали рваться внутри церкви, от осколков и взрывных волн погибло несколько человек пехоты, остальные выскочили и побежали по деревне.

Я некоторое время вел огонь из винтовок по смотровым щелям танка. Как на грех, все винтовки, подобранные в церкви, отказали после нескольких выстрелов. То гильза оставалась в патроннике, то зацеп выбрасывателя ломался.

А пулемет переносить не решились, он был у нас направлен на лошину, туда, где ожидали пехоту. И правильно сделали. Немцы пошли именно по этой лошине. Да пошли не боевым строем, а колонной с винтовками на ремень, в маскхалатах. Когда я увидел эту колонну,

то обомлел и даже растерялся. Сперва подумал — это наши отходят из Холчевки. Но когда взгляделся — нет, не наши, по оружию вижу — немцы. Хотя и темновато, но различить можно, да и очень близко они, всего в 700 метрах.

Ну что же, раз вы так иахально, то и за мною не пропадет. Открываю огонь. А у меня так удачно первая лента набита патронами, через пять простых пуль одна трассирующая. И мне хорошо видно, куда летят пули.

Слизал мой «максим» сразу несколько рядов, они и опомниться не успели, а когда поняли, откуда опасность, то врассыпную и стали вправо уходить по овражку к своим. Я им еще вдогонь врезал, да овражек оказался близко, метрах в 15 от дороги. Это и спасло их от полного разгрома.

Сколько их было, я и сам не знаю, но не меньше взвода, а может, и целая рота была. Темно ведь. За этот бой мне дали Красную Звезду.

Когда генерал вручал, то спросил:

— Почему сам вел огонь, а не бойцы?

Я пояснил, что в такой момент не мог довериться подносчикам.

— А наводчиков у меня еще в том бою побил. Их у меня не было в то время, товарищ генерал.

Все же ту деревню Березовку взяли и тут перешли к обороне. Это было уже в апреле, в начале. До мая я был командиром взвода: получил три пулемета, все снаряжение к ним, а в июне уже принял пульроту второго батальона. Он стоял рядом тоже в обороне в деревне Холчевке. Там мы и были до самого Курского сражения.

Когда оно началось, то нас фашист не тронул, мы были на острейшем выступе, а он шел правее и левее нас на Курск — хотел срезать этот выступ. Грохот и канонаду мы, конечно, слышали хорошо и готовились к на-

ступлению. Оно началось скоро; как только немец стал выдыхаться, так и мы пошли.

К тому времени воевать уже научились. Двинули сразу и прорвали оборону около Севска. Пошли ходко на запад по Черниговщине. Форсировали Десну. Там я получил легкое ранение, и в госпитале в городе Шостке мне вручили партбилет. Вступал в партию во время боев раньше, на Курской дуге, в июле 1943 года, а партбилет вручал мне начальник политотдела здесь, в госпитале. Принимал как награду за те бои.

После госпиталя попал в армейский запасной полк 65-й армии. Там мы готовили пулеметчиков для своей армии. За отличную личную стрельбу и хорошую подготовку солдат командующий 65-й армией Павел Иванович Батов объявил благодарность прямо на стрельбище. Это тоже не забывается.

Служба в запасном полку хлопотная и тяжелая. Там я заболел малярией, попал в госпиталь, через месяц меня выписали. А мое место было уже занято, и я был направлен в стрелковую дивизию командиром пулкрыты. Здесь я и закончил войну. Брала Осиповичи, Барановичи, Беловеж... много хуторов, деревень и сел, всего не упомянешь. А вот за Беловеж мы повоевали хорошо, вернее, легко взяли, малой кровью. А раз мало погибло твоих товарищей, то уж немного легче.

А было это так. Немножко расскажу. Как прошли мы Беловежскую пуцу, за ней поля — рожь. На краях пуцы загороди и вышки. За полем сам город Беловеж. Его-то и надо нам взять. Там немцы, а сколько их — не знаем. Стрельбы нет ни с нашей, ни с ихней стороны. Посылаю наблюдателя на вышку, его немцы заметили, открыли огонь. Слез и рассказывает:

— Во ржи две траншеи. В первой — мадьяры, во второй — немцы.

К тому времени немцы уже плохо доверяли своим союзникам.

Спрашиваю про танки. Они для нас главная опасность.

— Таиков вроде не замечено, — отвечает наблюдатель.

После этого доклада наблюдателя всех нас, офицеров, вызвал командир полка. Объяснил задачу: будем брать город с ходу, и тут же добавил:

— Если полк выполнит задачу, то отличившиеся офицеры будут награждены орденами. А вы не скупитесь представлять солдат и сержантов к наградам.

Пришли к солдатам, разъясняем задачу. А тут команда: «Танки!»

Мы залегли за толстыми деревьями, не то дубы, не то грабы, но толщина до метра в диаметре возле корня, наблюдаем. Укрытие хорошее, глядим: действительно идут четыре танка. Впереди «тигр» шпарит и ведет огонь из крупнокалиберного пулемета. Летит щепка за шею от деревьев — это «тигр» грызет их пулями.

Мы ждем, подходят танки все ближе, вот они уже метров на 50 от нашего расположения, в груди холод и какая-то противная дрожь, а ноги землю скребут, вот-вот сорвутся с места. И вроде укрытия перед собою никакого...

И вдруг разом засверкали огоньки на «тигре». Это ударили наши 76-мм самоходные орудия. И теперь уже снаряды стали прогрызать «тигровую» шкуру. Он задымил, сперва в щели мало дыма шло, потом больше, и вдруг грохнул взрыв, и башня с пушкой отлетела и упала. Взорвались боеприпасы.

Остальные танки задымили дымовыми шашками и задним ходом двинули восвояси. С ходу пошли и мы. Впереди наши небольшие самоходки, а мы — вслед. Они идут веером по ржаному полю, мы бежим между ними цепью, ведем огонь тоже с ходу.

Мадьяры дрогнули первые, а за ними немцы. И пошли они через город Беловеж, мы вслед за ними. Само-

ходки нас немного упредили, перегнали и немцев. Мы прямо на плечах у них, не даем закрепиться в городе. Вышибли одним махом, прогнали за город и там крепко их побили. Они нам наделали завалов из срубленных деревьев на тесной дороге и с боков дороги, да самим пришлось под огнем самоходок перелезть по ним. Тут-то мы им и дали, немилосердное крошево из этих немцев получилось. Так мы проскочили Беловеж, даже не разглядели его.

.. А бой тот запомнился.

После Беловежа форсировали реку и, главное, заставили плацдарм за Бугом без боя и держим его до подхода главных сил, а главные силы запоздали. Гитлеровцы опомнились, сомкнули место прорыва нашей дивизии. А мы этого не знали, все вперед и вперед, задачу свою выполняем.

Потом стали. Выяснили, что мы одни, ни с запада, ни с востока пока никто не трогает. Несколько дней томились без «работы» в тишине и в безопасности, ходили в селение, кажется Василевское, за вишнями. Потом «рама» стала кружить над нами и, по-видимому, зафотографировала наше расположение, потому что на третье утро нас атаковали.

Ночью был приказ, и мы ушли с плацдарма и опять пошли вперед, на запад. Дошли до реки Нарев (Польша), форсировали, захватили плацдарм. Техники у нас достаточно, пехоты, правда, жидковато, но хватает. Только войю.

Комбат вызвал поздно вечером и говорит:

— Прими, Угнивенко, роту. Там у них нет командира, да совместно со своей пулеметной ротой наступай. А ориентир тебе вот тот огонь. Ясная задача?

— Куда ж ясней, — отвечаю.

А уже темно, вглядываясь в огонь и вижу: что-то горит у фашистов.

— Значит, нам туда, — сказал бойцам,

Получил кабель телефонный и весь другой снаряд. Пошли. Но до огня того далеко, и выходит, прежде я должен занять еще дом лесника и «оседлать» дорогу.

.. Вышли цепью к этому дому лесника, идем тихо, без шума. Но фашисты, видно, все же учуяли нас и открыли пулеметный огонь. А может, просто для храбрости постреливают, они ж нас не видят. Да и огонь их нас не тревожит. Двигаемся дальше. Идем осторожно, воевать научились, в лоб не прем. Обошли тот пулемет и напали на него.

А тут и на стык дорог вышли, где не было немцев. Заняли траншею тихо и хорошо. Все идет как по-писанному. Блуждающих гитлеровцев тихонько берем в плен или уничтожаем, если они крик и пальбу поднимают.

Что ж, надо сообщить комбату. Вернулся к своему КП возле дома лесника. Там у меня телефонист. Позвонил, доложил — задача выполняется. Меня даже похвалили. А пока я этим занимался, произошло следующее. Наши танкисты забрались к фашистам в лес и стали пехоту моей роты забирать к себе для охраны танков. Забрали всех из траншей, ушли и командир взвода, и мой заместитель. Гитлеровцы, видно, сунулись, а траншей пустые. Ну они опять и заняли их. А моя рота и танковый батальон в ночном лесу за немецкими траншеями теперь находятся. Фашисты в суматохе, наверное, и не знали, что в их тылу такая сила сидит, и палят в нашу сторону. Что ж делать? Я здесь, а мои солдаты там, за немецкими траншеями, — лежат за их спинами и охраняют наших спящих танкистов.

Опять я пошел в домик лесника и доложил комбату, что немцы в наших траншеях. Мне, конечно, упрек:

— Зачем бросили траншеи? Разберись, кто бросил, кто виноват, и мне доложи.

Что же, надо разбираться, рота моя. Но как в нее попасть? Впереди траншей, а в них враги.

Делать нечего, надо как-то пробиваться к своим.

Собираю свое войство, а войска-то со мною всего три человека. Один пулеметчик здесь оказался, как раз пришел из тыла, он носил пулемет на ремонт, да мой орденец, он же комсорг роты — вот и все. Имеем на вооружении один автомат, винтовку и мой «вальтер». К этому добавим вещмешок лимонок и пять штук противотанковых гранат, их мой пулеметчик и принес с тыла. Для ночного боя в лесу я знал, что гранат много.

Пошли. И вот немецкие траншеи от нас уже в 15 метрах. Мы врываемся в их же ход сообщения, бросаем гранаты, ведем огонь. Немцы ответили, показали, где они и сколько, это определяем по вспышкам автоматов. Вижу, так их не выкуришь. Кричу:

— Хлопцы! Заряжай противотанковые!

Но никто не умеет этого делать. Да, вижу, и пользоваться ими побаиваются. Пришлось мне одному браться за дело и быть гранатометчиком противотанковых гранат. Бросили одну, враги сразу притихли, я бросил вторую для верности, фашистов и духу не слышно. Немного обождали, двинулись, держа автомат и гранаты наготове. Идем настороженно. Напоролись на какой-то блиндаж. Смотрим, вроде две радиостанции с включенным питанием, бумаги и разное тряпье на полу. Гитлеровцев нет, мы дальше к тому месту, куда я бросал гранаты. А уже стало светлеть, и видимость лучше немного. Нашли воронку от моей противотанковой гранаты. На бруствере и дне траншеи два полураздетых немца. Это с них взрывной волной одежду сорвало. Рядом лежит их оружие: автомат «шмайсер» и снайперская винтовка «маузер». Я обрадовался винтовке, но увы. Стекла прицела разбиты. Пришлось бросить.

А вот другая находка пригодилась. Захватили воз телефонных катушек, а нам они позарез нужны. Во всем полку с кабелем туго, а тут сразу столько привалило. И траншею отбили, и трофеи такие. Думаю, есть что докладывать комбату. На душе музыка.

Тут двинули к нам наши солдаты, и пришел кормилец-старшина. У всех двойная радость: траншеи опять наши и завтрак горячий. Перекусили, настроение поднялось у всех. Обживаем траншею своей ротой, а мне надо идти и докладывать.

Взяли мы со старшиной две катушки, телефон и пошли по траншее на мое КП. Я впереди, он за мною. Путь преграждает обвал траншеи, его сделал наш танк, когда проходил здесь. Конечно, я показывал себя здесь до пояса, а фашисты, видно, взяли это место на прицел. Я-то прошел, а мой старшина только поднялся на обвал, как его прямым попаданием... Меня оглушило, контузило, но от старшины только термос один искосверканый, какой у него за спиной был. Это я хорошо помню.

...Сутки я ходил чумовой, не слышу, хожу как пьяный, тошнота, рвота. Это, говорят, средняя контузия. В госпиталь не пошел, все прошло постепенно. А старшину жалко. Так нелепо погибнуть. И вроде я за собою вину чувствую. Тяжело...

После этих боев нас переместили ~~на се~~ а наши дважды отвоеванные траншеи передали ~~в~~ бригаде. Ну что ж, на войне тут забот полно рот: кому где рыть, надо показать, как ставить огневые точки, где подходы определить. Дел много.

Вот в этих хлопотах меня и застала вражеская атака...

Стал я перебегать по флангу к соседней огневой точке, не добежал — свалила разрывная пуля, раздробив бедро левой ноги. Спасибо, рядом ординарец, меня, добрая душа, и вытащил из пекла. В зоне взвода наложжили шины, перевязали и в тыл, в медсанбат. Привезли к переправе (парому), а ее тяжелым снарядом разбило. Тут задержка, там задержка, да еще по ошибке приняли меня в другой медсанбат. А я в тяжелом состоянии.

Как делали операцию, все это как во сне. И пошла моя госпитальная жизнь-маета.

...Лечат меня уже несколько месяцев, продвигаюсь все глубже в тыл, сначала в армейский госпиталь, там, опять операция, потом Сумская область, эвакогоспиталь. Дальше город Лебедин, пошло-поехало. А в это время моя мать получила на меня похоронку. Писал ей мой земляк Харламов Яков Федорович. Он начфином был в нашей дивизии. Кто ему сказал, что я погиб, не знаю, кто видел, как меня захоронили, тоже неясно. А вот похоронка пришла, и даже место захоронения в ней точно указано. Вот такие штуки война выкидывает.

Потом уже в 1946 году, когда я был инвалидом 3-й группы, встретился с этим Харламовым. Он опять стал работать бухгалтером Госбанка, а я получал деньги пенсионные. Смотрит на меня, и глаза у него на лоб лезут.

— Да ты ли это, Угнивенко?

— Я, Иван Иванович.

— Ты в 237-м стрелковом полку был?

— Да, был.

— Да как же, так тебя ж нет, ты ж погиб... И похоронили тебя там-то и там...

Так я воскрес для Харламова. А мать моя узнала про меня, что я живой, раньше, из моих писем. Писал из госпиталя.

...Пролечился около 9 месяцев. Кончилась война, и с 1945 года стал работать военруком в калайчевской средней школы № 1. Потом меня отстранили, говорят, надо иметь среднее образование и учительскую специальность. А у меня шесть классов всего. Семь-то стало в военном училище. Говорят, пиши уж семь классов, а то неудобно офицеру с шестью классами. Так по анкете я стал семиклассное образование иметь.

Районо перевело в школу № 14 физруком, а здесь открылась рана...

А в конце приписки: «...прошу Вас, простите за мой нервный почерк, писать такие воспоминания мне нелегко. Начинаю писать, тогда ночами не усну от нервных напряжений. Поэтому, извините, не могу я сочинять — сложить мысль правильно. Вам, конечно, для Вашего писания будет филькиной грамотой. Но я лучше не могу написать... Простите за это. На фронте что ни день, то сюжеты, а ведь я был 1942, 1943, 1944 годы на фронте и все время в пехоте. Много из того, что было, не мог описать, не могу все вспомнить. Забылось, да и память стала обветшалой. А вообще-то, что неясно, спросите в письме, будем переписываться. Если есть у вас телефон, дайте номер, можем даже поговорить с вами через нашу почту. Еще раз спасибо за письмо, до свидания. Пишите.

С уважением к Вам — Угнивенко, г. Калач.

Дальше Иван Иванович пишет, как он лечил «раны войны», как «вынули из бедра два осколка», а заодно и «вынули инвалидность». Это произошло в июле 1953 года. А через 11 лет, в 1964 году, пытался восстановить группу, но признали трудоспособным, здоровым. «Наверное, оно тогда так и выходило, — говорит он, — потому что я был молод и боли не донимали, как теперь, а сейчас уже все не то...

Два ранения и одна контузия, видно, даром не проходят. Да и работа у меня после войны была нелегкая. Был и мостовщиком, и печником, и немножко заведующим баней, носил портфель, да и тот дырявый. Получал 450 рублей старыми деньгами, а появились дети, и пошел я работать, где можно кормить семью, — пошел в камешники.

Сообщает в своих письмах Иван Иванович не только одни «докуки», как он выражается, но радости.

Уже после войны, в 1947 году, получил еще один орден — орден Отечественной войны второй степени, вы-

растил сыновей: младший сейчас студент-медик в Москве. «Суть дела теперь в том, — заканчивает он одно из писем, — чтобы определить свою жизнь-судьбу дальше» и просит помощи «вытянуть его из несправедливого положения», «похлопотать».

И начинаются хлопоты. Иван Иванович пишет письмо министру обороны, обращался в местные советские и партийные органы. Идут месяцы, но «дело Ивана Ивановича» тоже продвигается. И наконец, одно из последних его писем.

«г. Калач, 14 марта 1977 года

...Получил Ваше письмо, в котором Вы спрашиваете разрешения опубликовать мои письма о войне и вообще мою жизнь. Я очень тронут Вашим вниманием. Как живу?

28 сентября 1976 года получил третью группу инвалида Отечественной войны. Работу не бросил, по-прежнему работаю каменщиком. Сын Борис — учитель истории, младший Василий уже на 3-м курсе мединститута, там у Вас, в Москве. Жена на пенсин, но тоже работает на старом месте, в школе, библиотекарем. Мое здоровье? Если бы не нога, которая болит при ходьбе, можно жить. И работать можно, если тебе подносят кирпич и раствор. При ходьбе особенно трудная первая тысяча шагов, а после не так, вроде привыкаешь...

...Описать все, что пережил на войне, невозможно. Другой раз вспомнишь, все вроде как вчера, а потом все это же самое куда-то исчезает. Какой-то интервал в мыслях, не соберешь в кучу. Отдельные бои часто сняты в непристойном виде (немец идет с автоматом, а твои пули его не берут, вроде они деревянные и не долетают до него) и т. п. Тогда в поту просыпаешься и все ясно вспоминаешь — ведь пули-то у нас были не деревянные!

...Вот пример. В 1943 году после Курской битвы мы пошли в наступление по направлению на город Н. Север-

ский Черниговской области. Поля, заросшие донником и сурепкой, вокруг ни одного селения. Окопались. Редко Пехоты мало. Если смотреть из ячеек, то друг друга не видно. Бурьян до метра высоты. Нас должны сменить. Ночь. Моя обязанность командира роты снять все пулеметы при отходе тихо. Но тихий отход, видно, не получился. Потому что, когда я пришел на НП и хотел позвонить комбату, что все снялись, вдруг фашисты разом все встали из бурьяна и пошли на нас цепью. Вернее, на новую роту, которая нас сменила. Я успел прыгнуть в ячейку, прямо на нового телефониста, который только что занял ее. В руках у меня немецкая винтовка и обоймы патронов с трассирующими пулями. Ими я подавал знаки нашим кукурузникам, которые ночью бомбили немцев. А фашисты все идут, уже метров 150 осталось. Надо уходить. Ведь не только наша рота, но и весь батальон сменился и ушел. А меня тут эта история застала в ячейке телефониста. Ну что делать солдату? Воевать. Прицелился в одного и выстрелил, а забыл, что пуля трассирующая. Да у меня других и не было. Выстрелил. Вижу, фашист как-то переломился, схватился за живот и упал. И тут немецкие автоматчики ударили по мне. На счастье, я успел нырнуть в ячейку, а огонь такой, что прямо весь бруствер нам за шею с телефонистом ссыпают. Лежим, носа высунуть нельзя, и гитлеровцы уже рядом. Немцы видели, откуда к ним моя пуля прилетела, и по нас из десятка автоматов поливают. А нашей стрельбы не слышно. Оборона подавлена, немцы идут уже, я топот их слышу...

И вдруг наш пулемет заработал. Немцы попадали в бурьян, их нам не видно, но и они нас теперь не видят.

Воспользовавшись этой обстановкой, я выскочил и побежал к своим. А они уже за ложиной, метрах в 500 отсюда. Все это было на рассвете. Пробежал метров 30 и почувствовал рой пуль возле уха, заляскали очень близко, и как будто меня горячим воздухом обдало.

Я упал. Инстинкт подсказал — бежать нельзя. Огляделся, а от меня шагах в 30—35 танк немецкий стоит. Потом поехал и стал стрелять. Некоторые в панике побежали, он и срезал пулеметом сразу. Я лежу. Танкисты меня видят и стреляют, впереди меня бурьян так и секут пулями. Пугают, чтоб поднялся и побежал, и тогда я буду доступный для их пулемета. А лежащего меня он не берет. Я в мертвой зоне, слишком близко от него. Он едет, я ползу, он стал, и я останавливаю движение. Не выполняю из мертвого пространства.

Так мы «игрались», пока танк не увидел левее меня пушку и повернул свою башню в ту сторону. Разбил он нашу сорокапятку, только колеса вверх подскочили. Но я в это время успел сделать две быстрые перебежки и ушел в ложину. На той стороне меня ждали солдаты. Они все видят и ничем мне не могут помочь.

А потом подошла наша «катюша» и отбила эту наглую атаку немцев. Танков было 4 или 5, а меня гнал один, и видел я его только одного.

Вот так было в поле, в бурьянах, в 1943 году уже при подходе к Украине.

Много других разных эпизодов на войне было, да разве все вспомнишь, — заканчивает письмо Иван Иванович — Да Вы знаете, сразу как-то все в голове не возьмешь, вспомнишь, потом забудешь. И писать тяжело, волнения накатывают на тебя, и мысль теряешь. Это, наверное, надо делать постепенно и не все сразу.

Напишите, что я упустил, что у Вас есть. Я дополню, поясню.

С уважением к Вам Ваш друг

И. И. Угнивенко.

Наша переписка с Иваном Ивановичем продолжается. Мой добрый друг охотно «дополняет и поясняет» свои записки, и жизнь-судьба этого славного человека становится все ближе и понятнее мне и, возможно, вам, читателям этой книги.

На улице такая жара, что кажется, мы не в Свердловске, а в родном Волгограде. Проходим мимо городского краеведческого музея. Он в здании бывшего собора. Стены толстые, и внутри, наверное, прохладно. Входим в широкие, как ворота, двери. Здесь тихо, безлюдно.

Вовка, мой четырехлетний сынишка, стремглав через весь зал мчится к огромной долбленой лодке: на таких древние жители Урала плавали по реке Исети, на которой основан Екатеринбург.

Вслед Вовке несется резкое: «Мальчик, руками ничего не трогай!»

Но он уже успел дотронуться до весла, лежавшего в лодке, и как ни в чем не бывало спрятал руки за спину.

Мое наказание ходить с этим сорванцом по залам, неотступно следить за ним и выслушивать выговоры хранительницы музея.

У Вовки непреодолимое возрастное желание трогать все руками. Отчаявшись, я уже решаю идти домой, несмотря на протесты сына, как вдруг на одном из стендов мое внимание привлекает фотография художавого черноволосого человека лет пятидесяти. Я его, несомненно, встречал. Но где? Читаю: «Летчик Аркадий Михайлович Ковязин».

СОДЕРЖАНИЕ

Юнга	5
Награжден посмертно	65
Дети войны	91
Солдат Сталинграда	103
Хлебороб Иван Мельников	110
Жизнь-судьба	127
На вражеском самолете из плена	147
Герой штурма рейхстага жив!	156
Каска	161
В мешке	168
Три награды	174
Смешная история	186
Вечный студент	189
Кавалер золотого креста	196
Письма из Волгограда	219
Книгу дописывает читатель	227

Еременко В. Н.

Е70 Страницы памяти (2-е изд., доп. и перераб. — М.: Мол. гвардия, 1979. — 238 с., ил.

В пер.: 45 к. 100 000 экз.

Эта книга о памяти, о героях войны, о славном подвиге нашего народа. Автор взял на себя благородный труд — восстановить славу героев, воздать им должное, то, что мы должны воздать людям, защитившим нас от беды.

ББК 63.3(2)722
9(С)27

Е 70302—030 084—78. 4700000000
078(02)—79